

МАТЬ-СЫРА-ЗЕМЛЯ

О светло светлая и украсно украшена земля Руськая! И многими красотами удивлена еси: озера многими, удивлена еси реками и кладязьми месточестными, горами крутыми, холмами высокими, дубровами частыми, полями дивными, зверьми различными, птицами, безчисленными, городами великими, селами дивными, виноградами обительными, домами церковными и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими – всего еси исполнена земля Руськая, о правоверная вера христианская!

Слово о погибели Руськия земли по смерти великого князя Ярослава

Моя тайга ... степь, озеро, река, луга, поля и нивы... – моя родная русская земля. У всякого, не спалённого дотла пороком, не заплесневевшего в корысти, не засохшего в книжном учении, яко полевая ромашка в тяжком томе о заморских красотах, – есть таёжная падь, приречная долина, широкий дол, кои землянин величает: моя земля. Хотя земля и не куплена в торгах ...попробуй, купи степь необозримую, тайгу непроходимую... хотя и не выпала земля в наследство, хотя кроме тебя уйма народа в здешней земле обитает, хотя и сам ты укоевал в чужедальние края, а всё одно – моя земля. Здесь отзвенело детство полевыми колокольцами, стояло в белом тумане сенокосное отрочество, здесь похоронены мать и отец, после коих обветшали избы, утопающие в дурнопьяной лебеде и крапиве, обрела деревенька и ушла в землю.

Свой крайчик земли – словно краюха ржаного хлеба, засолоневшая от пота, от слёз кручины и отрады; своя земля... и *земляк* в своё время понимался, как человек, с которым ты свято и клятвенно связан единой *землёй*.

«Мой угор, угорышек...» – любил ввернуть в речь крестьянский писатель Федор Абрамов, летуя в родном селе Веркола, умиленно оглядывая с угора желтоватые поля, бережно объятые поскотинной городьбой, чтобы коровы хлеба не потравили. Благодать Божия: веет с небес прохладный ветерок, гуляет под вольно выпущенным, широким рублищем, ласково колышет волосы, и взгляд писателя уплывает в зеленеющие пастбища, к синеющей реке, к храму, белеющему на холме, сливая ниву с небесами.

Издревле воспевали и оплакивали русские родную землю...

«О Русская земля! Уже ты за холмом! (...) Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны граяли, трупы между собой деля, а галки свою речь говорили, собираясь полететь на добычу. (...) Черна земля под копытами косями была посеяна, а кровью полита; горем взошли они по Русской земле! (...) А поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую» (*Слово о полку Игореве*).

«Кто, братья, и отцы, и дети, видевши такое Божие попущение на всей Русской земле, не плачется? Грех ради наших попустил Бог найти на ны поганья; наводит бо Бог, по гневу своему, иноплеменников на землю, чтобы сокрушенные ими обратятся к Богу» (*Из Лаврентьевской летописи*).

«Русская земля да будет Богом хранима! Боже, сохрани её! На этом свете нет страны, подобной ей, хотя бояре Русской земли несправедливы. Да станет Русская земля благоустроенной и да будет в ней справедливость» (*Никита Афанасьев*).

«Эти бедные селенья, // Эта скудная природа – // Край родной долготерпенья, // Край ты русского народа! // Не поймёт и не заметит // Гордый взор иноплеменный, // Что сквозит и тайно светит // В наготе твоей смиренной. // Удручённый ношей крестной, // Всю тебя, земля родная, // В рабском виде Царь Небесный // Исходил, благословляя» (*Фёдор Тютчев*).

* * *

В ископной красе хранили русские крестьяне любовное, обрядово-поклонное отношение к земле. Хотя земля числилась и третьей в череде языческих поклонений (первый – царь-огонь, вторая – вода), но лишь землю крестьяне величали матерью. И в земледельческом таланте крестьян, кроме вселенского природознания, трудолюбия и терпения, кроме бережённых многовековых земледельческих навыков, таилась неизбывная, всепоглощающая, обрядово-поклонная, жертвенная любовь к матери-сырой-земле – любовь, увы, порой впадающая в духовную прелесть – языческое одухотворение земли. Долго после Крещения Руси крестьянин нет-нет да и забывал, что земля – Творение Божие – не обладает самосвятостью. «Почитание русскими язычниками «матери-земли» – писал Лев Лебедев, – это отнюдь не наивность. Заблуждение язычников в том, что, не ведая Бога – Создателя человека и земли, они поклоняются творению, а не Творцу».¹ «Вначале сотворил Бог землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. (...) Адаму же сказал *Господь*: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедовал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя: со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; (...) в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься. (*Быт. 1:1,2, 3:17,19.*)

Земля в дохристианских верованиях славян, долго хранимых русскими крестьянами в сумраке памяти, понималась, яко *мать*, от которой не токмо нарождается всё живое, но произошло и само тело человеческое. Казалось бы, древнее воззрение не противоречит Священному Писанию, где сказано «Всяк человек – земля есть и в землю отыдет...»; но, повторим, душепагубная трагедия некрещеных славян крылась в том, что язычники наделяли землю самостийной, не зависимой от Бога творящей силой, не ведая душеспасительного Бога Творца, сотворившего землю, а из земли человека и все живое.

«Предания о происхождении человека, равно принадлежащее всем индоевропейским народам, в том числе и славянам, говорят, что тело человеческое взято от земли и в неё же обращается по смерти, кости – от камня, кровь – от морской воды, пот – от росы, жилы – от корней, волосы – от травы. Верование это высказано в стихе о Голубиной книге:

Телеса наши от сырой земли,
Кости крепкие взяты от камени,
Кровь руда от чёрна моря.

Народные загадки метафорически называют волосы – лесом, а траву – волосами... (...) Рядом с поклонением небу должно было возникнуть и утвердиться религиозное почитание земли. Следы этого обоготворения сохранились и у славян... Богатыри, поражающие лютых змеев, в ту минуту, когда им грозит опасность быть затопленными кровью чудовища, обращаются к земле с просьбой: "Ой, ты еси мать сыра земля!.. расступися на все четыре стороны и пожри кровь змеиную», – и она расступается и поглощает в себя потоки крови" (*выделено мною. – А.Б.*)².

¹ Лебедев Л. Крещение Руси. Издательство Московской Патриархии. М., 1987.

² Там же.

Даже богатырь Илья Муромец – прототип святого Илии Муромского, крестьянского сына из села Карачарова, казачьего атамана, насельника Киево-Печерской лавры, – даже он, когда супостат одолев его, замахивается мечом, вопрошает: мол, что ж ты, мать-сыра-земля, ныне повыдала меня?³

* * *

Одухотворенной матушке-сырой-земле посвящены большинство славяно-русских языческих обрядов, если не сказать, что чуть ли не всякий трудовой и праздничный обряд так или иначе, славя солнце и небесные воды, касался и земли, поскольку *мать-сыра-земля*, обласканная солнечным теплом, в громовых и молниеносных страстях покрытая дождями и росами *небесного отца*, рожала хлебушек, рожала *жито – живот, жизнь*. Были века в славяно-русском язычестве, когда *мать-сыра земля* – Макошь (*макушка лета*), «покровительница» урожая и судьбы, почиталась как верховное божество, рядом с которой, судя по старинным русским вышивкам, сохранившим языческие сюжеты, по леву и праву руку восседали верхом на лошадях роженицы Лада, «богиня» вешнего пробуждения земли и первой зелени, и дочь её Леля с сохами, притороченными к сёдлам.

Священные знаки земли – обереги от нечистой и лукавой силы, красовались почти на всём, что окружало нашего предка-русса: на прялке, на причелинах и подзорах избы, на девичьем кокошнике, на резной спинке кошевых саней, – везде рядом со знаками Солнца и Вод сиял знак Матери-Земли. Эти обереги (аграрно-магические знаки) в домовой резьбе, в росписях посуды уже, вероятно, бессознательно дожили чуть ли не до самых нынешних лет. (Особенно выразительны они на внешнем декоре семейских⁴ изб в Забайкалье.) Даже «захоронения предков в земле, – писал Борис Александрович Рыбаков в книге "Язычество древней Руси", – могло означать, во-первых, то, что они как бы охраняют земельные угодья племени ("священная земля предков"), а во-вторых, они, находящиеся в земле предки, способствуют рождающейся силе земли»⁵.

А. Афанасьев глубоко исследовал древнеславянские мистические воззрения на природные стихии и Вселенную (в том числе и землю), проведя, нередко спорные, космогонические параллели между героями русского фольклора, символикой крестьянских усадеб и миром Вселенной. Он же и даёт картину многих аграрно-магических обрядов, подтверждающих одухотворение матери сырой земли в древнерусских верованиях.

«Как всеобщая кормилица, земля есть источник сил и здоровья, – писал А. Афанасьев, – она же растит и целебные травы. Тот, кто приступает к собиранию лекарственных зелий и кореньев, должен пасть ничком наземь и молить мать сыру землю, чтоб она благоволила нарвать с себя всякого снадобья... Чтобы нечистая сила не поселилась в нивах и не выжила с пастбища стад (т.е. не повредила бы тем и другим), хозяева в августе месяце выходят с конопляным маслом раннею зарею на поля и, обращаясь на восток, говорят: "Мать-сыра-земля! Уйми ты всяку гадину нечистую от приворота и лихого дела"; затем выливают на землю часть принесённого масла. Обращаясь на запад, продолжают: "Мать-сыра-земля! Поглоти ты нечистую силу в бездны кипучие в смолу горячую"; на юг произносят: "Мать-сыра-земля! Утоли ты все ветры полуденные со ненастью, уйми пески сыпучие со метелью", и, наконец, на север: "Мать-сыра-земля! Уйми ты ветры полуночные со тучами, содержи (сдержи) морозы со метелями". За каждым обращением льют масло, а в заключение бросают и самую посудину, в которой оно было принесено. (...) Это жертвенное возлияние масла и пива имело символическое значение влаги, проливаемой небом и дарующей нивам урожай; ибо и "масло" и "пиво"» были метафорическими названиями дождя. Увлажнённая дождём земля сулила обилие, богатство и счастье»⁶.

Древние славяне-язычники почитали *землю* как женское начало «божественного» мироздания, а *небо*, как мужское, и считали, что от совокупления их, выраженного через *солнечную ласку и грозовые страсти*, после *оплодотворения небом земли посредством влаги (дожди и росы)*, рождается всё живое

³ Впрочем, сие лишь в былинном изложении худоверных сказителей.

⁴ Семейские – раскольники, сосланные в Забайкалье при царице Екатерине.

⁵ Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М., 1987.

⁶ Афанасьев А.Н. Древо жизни. М., 1982.

на земле, а прежде всего хлеб. Нечто подобное происходило в понимании язычников и в человеческой жизни, а посему они напрямую связывали аграрные обряды *поклонения матери-сырой-земле и отцу-небу* со свадебными, и даже с плотскими утехами мужчины и женщины (*плодородие земли – чадородие женщины*).

Порой сии древнеславянские магические аграрные и свадебные обряды сливались меж собой, порождая *аграрно-свадебную* обрядовость. Отзвуки её выявили народоведы и в обрядовой культуре крестьян Восточной Сибири. «Возьмём аграрно-брачные обряды, – пишет Фирс Болонев. – Основное их назначение было связано с двумя понятиями – охраной от зла и идеей плодородия. О магическом использовании зёрен ячменя, овса, пшеницы в календарной и свадебной обрядности известно давно, но находящийся с этим ритуалом в непосредственной связи обычай сбора беременных женщин на свадьбу почти не известен. Он записан автором в селе Анга Иркутской области. Приём симильной магии, дожившей до XX века по своей наглядности, колоритности и яркости, пожалуй, не имеет аналогов, хотя об участии беременных женщин в свадебной обрядности славян имеются неоднократные упоминания»⁷.

Крестьянские обряды, корнями таясь во временах праславян – скифов-пахарей, – во Владимирово княжение обретя христианское звучание, в самом главном – в одухотворении земли – жили ещё долго, чтобы уж разом умереть. То же крашеное яйцо, освещённое наговорным словом и орошённое *святой живой водой*, и задолго до Святого Крещения Руси, когда лишь вызрело само понятие *русская земля*, сияло аграрно-магическим символом плодородия матери-сырой-земли, чадородия жён-матерей, как являлось и живым, земным знаком солнца, в мистическом сознании язычников имевшего верховную «божественную» силу. Как из яйца чудом чудным, дивом дивным нарождается жизнь, так и под солнцем.

* * *

Даже суровые старообрядцы⁸, сплетая древние природные обряды с христианством, не избежали мистического поклонения матери-сырой-земле, а заодно и предкам, захороненным в ней и якобы имеющими с ней мистическую связь. Об этом писал протоиерей Андрей Иоанов Журавлёв, прибывший вместе с гонимыми старообрядцами в польские земли, на Ветку: «Старообрядцы в день Пятидесятницы (*Святой Троицы, что праздновалась накануне Духова дня. – А.Б.*), ложась ниц на землю, слушают молитвы, а священник читает их, на коленях стоя к престолу, зря на восток»⁹.

Небо и земля становятся «церковью», и некоторые «староверческие толки (беспоповщина и нетовщина) до последнего времени исповедовали грехи свои, зря на небо или припадая к земле»¹⁰. Вот так радели иные старообрядцы, якобы в чистоте сохранившие исконное, древнее православие, в отличие от «нововеров», что в лихую годину церковного раскола якобы выправили богослужебные книги и церковные обряды на манер греческого православия, о ту пору ископавшего.

Мало того, именно у старообрядцев появляются религиозные толки – суть, бесовские коби, – где прихожане поклоняются матери-сырой-земле. В XIX веке у семейских Бичуры, Мухоршибири, Большого Куналя (*семейские сёла в Бурятии. – А.Б.*) образовался таинственный толк «землепоклонников». Сошлись в нём крестьяне, которые не признавали икон, попов и уставщиков, а поклонялись священной земле, как самосвятой. Землепоклонники торжественно шествовали в поле и, осеняя себя двуперстным крестным знаменем, валились на колени и кланялись так низко, что лбами касались земли, прося её о помощи. В.П. Мотицкий писал в книге «Старообрядчество Забайкалья»: «Землепоклонники всей семьёй или небольшой группой выходили в поле и там, осеняя себя

⁷ Болонев Ф.Ф. Духовная культура и быт русских крестьян-старожилов Юго-Восточной Сибири в XV111–начале XX века. (Семейские Забайкалья). Новосибирск, 1996.

⁸ Более подробно о сём в очерке автора «Семейский корень» (*Байбородин А. Семейский корень: очерк // Сибирь. – Иркутск, 2004. – № 2. – С. 69–96*).

⁹ Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах, собранные из потаённых старообрядческих преданий, записок и писем церкви сошествия Святого Духа на Большой Охте. М., 1890.

¹⁰ Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865. Т.1.

двуперстным крестным знаменем, становились на колени и кланялись так низко, что лбами касались земли, прося её о помощи»¹¹.

О землепоклонниках писал этнограф и диалектолог Лазарь Ефимович Элиасов, многие годы изучавший фольклор семейских, подготовивший рукопись «Толки семейских». Он же писал и о том, что в начале XIX века в семейских сёлах Окино-Ключи Бичурской волости, Хонхолой и Шаралдай Мухоршибирской волости появился новый толк, получивший название «песочников», когда при крещении ребёнка употребляли не воду, а подогретый песок.

Л.Е. Элиасов записал от семейских обряд крещения: «Мать держала ребёнка на руках, а уставщик сыпал ему на животик или спинку мелкий тёплый песок. После этого ребёнка осеяли крестом и давали ему имя, затем умывали в тазу, очищали от песка, пеленали и клали в зыбку. Если ребёнок засыпал сразу, то родители были уверены, что он будет здоровым и счастливым, а если не сразу, то его ожидала нелёгкая жизнь»¹².

Увы, вместе с *древлеотеческими обрядами*, за коими Аввакумовы единомышленники – огнепальные *обрядолюбцы* – шли на великие страдания и даже сжигали себя в скитских срубках, старообрядцы из простолюдья не изжили из повседневной и праздничной этики отзвуки языческих суеверий и более общеправославных *тешили беса* в поклонении «самосвятой» земле. В отличие от общеправославных крестьян старообрядцы, оберегши до середины XX века даже во внешнем облике исконно славянскую статью, сохранили и многие верования древнеславянского язычества. Историк русской православной церкви Н.М. Никольский писал: «Крестьянская "старая вера" имела мало общего со старой верой профессионалов или посадских людей, и если напоминала старую веру, то *старую дохристианскую веру* (выделено мною. – А.Б.)»¹³. Неясно, о какой *старой дохристианской вере* идёт речь, поскольку под *старой* понимается *православная вера* до церковного раскола¹⁴, но не в дохристианский период русской истории, когда славянское язычество *бесам жряху*. А.П.Щапов и вовсе с расколом связывал возрождение языческих верований, волхований и чародейства¹⁵. В.Я. Пропп, повторяя *языческую* точку зрения на староверчество, пишет: «Изучение языческой сущности праздников лишит их ореола святости»¹⁶.

* * *

Хотя после Крещения Руси внешне понятие *земли* у крестьян стало уже ясно христианским, и без обращения к Богу мужики не приступали к пахоте, севу и жатве, но суеверное, с отзвуками древнеславянского язычества, мистическое отношение к земле долго жило в крестьянском мире, воплощённое в обрядах и обычаях. В земледельческих обрядах ощущалось причудливое сплетение христианского и суеверно-языческого, о чём в книге Сергея Максимова «Нечистая, неведомая и крестная сила»: «Связь человека с землей устанавливается и Священным Писанием: всяк человек – земля есть и в землю отыдет». (...) Земля, куда схоронены кровные и близкие, называется родительскою и считается священной, она могущественна до такой степени, что горсточка её, взятая с семи могил, укрывающих заведомо добродетельных людей, спасает всех родичей, оставшихся в живых, от всяких бед и напастей. Почти такой же силой обладает и вообще родная земля. (...) (*Ночью суеверные женщины, запряжи честную вдову в соху, опахивали землю окрест села или деревни, славя землю, вопя проклятия нечистой силе.* – А.Б.) В других деревнях носят образ святого мученика Власия, признаваемого по всей Святой Руси покровителем домашнего скота, и к свечам прибавляют ещё ладан. В Судогодском уезде Владимирской губернии опахиванье предпочитают производить под Духов день, а

¹¹ Мотицкий В.П. Старообрядчество Забайкалья. Улан-Удэ, 1976.

¹² Там же.

¹³ Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1930.

¹⁴ Впрочем, РПЦ считает раскольников *нововерами*, а никониан – *староверами*, путем церковных реформ возродивших исконное, истинное Православие, кое приняла Древняя Русь от восточного (константинопольского, царьградского, греческого) православного христианства, но с веками исказила в церковных обрядах и богослужебных книгах.

¹⁵ Щапов А.П. Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в ХУ11 веке и первой половине ХУ111. – Соч., т. 1. СПб, 1906.

¹⁶ Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963.

в иных местах в ночь на 24 июня, причём поют "Да воскреснет Бог", проводят сохой крест на всех перекрёстках селения, в копаные ямы закладывают ладан и т.п. (...) В деревнях Нижнеломовского уезда Пензенской губернии во главе подобного шествия видели старух с иконами Спасителя, Успения Богородицы и медного распятия на груди и слышали вместо стихов заклęcia, пение молитв Богородицы и Господней. (...) Вера в мать-сыру-землю все-таки сохраняется неизменно. Даже и там, где, по-видимому, Христово учение успело уже войти в плоть и кровь, стоит снять с языческих обрядов наложенные тонким слоем христианские краски, чтобы обнаружались черты древних языческих верований¹⁷».

Выражая простонародное отношение к земле, Фёдор Достоевский писал: «Земля у русского человека правее всего, в основе всего; земля – всё, а уж из земли и всё остальное, то есть и свобода, и жизнь, и честь, и семья, и детишки, и порядок, и Церковь». Писатель – не ради красного словца, из великой любви к русскому простолыдью – опрометчиво, ошибочно вознёс землю над Церковью. Церковь Христова – Дом Господень – Божественная Вселенная, где небо – Престол Божий, а земля – лишь изножье Престола. Лишь изножье...

* * *

Русская Православная Церковь, долго, ни на живот, а на смерть сражалась с *бесовским обоготворением и одухотворением* природы, понимая природу, как Творение Божие, – «не нарекутся богом стихии, ни солнце, ни огонь, ни источники, ни древа». Праведная брань за крестьянские души породила богатые плоды... Крестьянское осознание природы как Творения Божия нашло мифологическое выражение в великом произведении народной поэзии, повеличенном «Голубиной книгой».

Солнце красное от лица Божьего,
Млад светел месяц от грудей Божиих,
Звёзды частые от риз Божиих,
Зори белые от очей Господних,
Ночи тёмные от опашня Всевышнего,
Громы от Его глаголов,
Ветры буйные от Его дыхания,
Дробен дождик и росы от Его слёз...

Постепенно из русской народно-обрядовой этики выветривался языческий мистицизм, и если иные заговоры обратились в стихийные народные молитвы, в поэтические обращения к Спасителю, Царице Небесной, Божиим Ангелам, святым мученикам и угодникам, то и крестьянские обычаи, обряды, утратив древнеславянскую магию, обрели христианское звучание, и вместо языческих идолов покровителями земли, воды, лесов, дворовой животины и птиц становятся святые во Христе¹⁸.

Святая Параскева Пятница – покровительница полей и скота, а кое-где и вод, и особенно целебных источников; её же считали и «бабьей святой», заступницей и покровительницей честных жён, которая занималась как бы повоем, то есть принимала новорождённых чад; наконец, в крестьянском быту святая Параскева Пятница называлась ещё и *льняница*, ибо в день её памяти (10 ноября по н. ст.) начинали мять, трепать, готовить лён для пряжи. Другие святые, почитаемые в народе.

Святой Мамонт-овчарник – покровитель коз и овец.

Святой Никита – гусятник.

Святые Флор и Лавр – покровители коневодства.

Архангел Михаил – покровитель русского воинства.

Святые Кирик и Улита – покровители кур.

¹⁷ Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. С.-Петербург, 1903.

¹⁸ Подробно о сём в очерке автора «Русский обычай» (Сб. «Русский месяцеслов»: сост. А.Байбородин. Иркутск, 1998).

Святые Борис и Глеб – сеятели.

Святой Прокопий – жнец.

Преподобный Сергей Радонежский – покровитель вод и целебных источников (как и святая Параскева Пятница).

Христианизации древнерусских обрядов и обычаев, связанных с поклонением природе – и, перво-наперво земле, – очевидно, способствовал изначально и сам Новый Завет, из которого православные крестьяне кроме Христовых заповедей познали и то, что вочеловеченный Сын Божий, любя ближних, любил и окружающую Его природу, любил и ценил крестьянский труд, о чём свидетельствует даже сам язык Спасителя, – образы в притчах Христа взяты из природы, из земледелия и рыболовства. *«Уже бо и секира при корени древа лежит: всяко древо, еже не творит плода добра, посекаемо бывает, и в огонь вметаемо»; «Его же лопата в руце Его, и отеребит гумно Свое, и соберет пшеницу Свою в житницу, плевелы же сожжет огнем неугасающим» (Мф. 3:10, 12).* Вспомним и притчу о сеятеле зерна – Слова Божия: *«Се изыде сеятель, да сеет. И сеющу, однаво падоша при пути, и приидоша птицы и позобаша ея; другая же падоша на каменных, иде же не имаху земли многи, и абие прозябоша, не имаху глубины земли. Солнце же взсиявши, привянувши: и не имаху корения, изсохша. Другая же падоша в тернии, и възиде терние, и подави их. Другая же падоша на земли доброй, и даяху плод...» (Мф.13:3–8).* Евангелийская образно-языковая система – из природной крестьянской жизни.

С летами, в сиянии православной веры одухотворение, а тем паче обожествление земли меркло, словно ночная темь на алой заре; долго жила лишь обрядовая поэзия, подобная сказочной игре. Несмотря на отсветы и отзвуки безбожных языческих поверий, в земледельческих обрядах побеждает дух православного христианства. Боголюбивый русский крестьянин, отвергаясь бесовского поклонения матери-сырой-земле, без упования на Бога, без молитв Божиим ангелам, святым Христа ради не приступает к пахоте, севу, жатве. Молились Царице Небесной пред её иконой «Спорительница хлебов»¹⁹, апостолу Филиппу, коего Спас испытывал, когда хотел насытить пятью хлебами пять тысяч человек; молились праведным Богоотец Иоакиму и Анне, священномученику Харалампию, который низводит плодородие земли, Иоанну Предтече, Крестителю Господню, мученикам, благоверным князьям Борису и Глебу, святым, равноапостольным царю Константину и его благоверной царице Елене, мученице Параскеве Пятнице, святителю Тихону, епископу Амафунтскому.

Перед посевом ранешние крестьяне парились в бане, выгоняли из себя тяжёлый, грешный дух, надевали в поле чистую посконную рубаху, чтобы чистыми были всходы. При выезде на сев, когда уже были запряжены кони, возжигали на божнице свечи, клали поклоны и просили благословения. Хотя накануне боголюбивые крестьяне молились в храмах, после исповеди причащались Святых Даров. «Сев и подготовка к нему как важнейшие мероприятия в жизни земледельца не совершались без особых обрядов: очистительных, запретных, охранительных и продуцирующих. Например, приготовленные для посева семена нельзя было есть, жевать, так как существовало поверье, что от этого хлеб может не взойти. Ничего и никому нельзя было давать взаймы, чтобы не передать удачу, счастье. Когда опораживали заком, то в нём запрещалось мести веником из опасения, что в закоме будет пусто. Поэтому выметали в нём тряпкой. По сообщению К.М. Афанасьева (1888 г. рождения), в с. Новая Брянь перед посевом мылись в бане и надевали чистую одежду, надеясь, что и семена, и поле будут чистыми. При выезде на посевную запрягали коней, у икон зажигали свечи, клали начал (молились), просили у всех домашних: "Благословите", – а те отвечали: "Бог благословит". В день первого выезда в поле избу не мели. В зерна пшеницы клали яйцо, подсыпали куриный помёт и говорили: "Дай, Бог, на всякую долю – мне и птицам".

По сообщению С.И. Жерлова (1888 г. рождения), в Новой Бряни, выезжая на посев, совершают следующий обряд: "Зажигают свечи у икон и кладут начал, читают Богородицу – 3 раза, варят 7 яиц, из них 3 яйца раскрашивают в семена, одно кладут на божницу. И оно лежит весь год, а остальные старшим в дому отдают. Приехав на пашню, кладут 3 поклона на восток. Это так заведено со старины, а зачем – не знаю". (...) В Тарбагатае, по сообщению А.К. Думновой (74 года), в первый день сева разговлялись яйцами, а в семена крошили яйца, которые целый год пролежали на божнице. (...) В Архангельском, по сведению супругов А.В. и Ф.К. Куприяновых, в ярицу перед посевом клали три варёных яйца и вербу; сея, разбрасывали их по полю из первого мешка. Это делалось для того, чтобы "не было никакого гнуса и урожай был бравый"²⁰.

¹⁹ Название иконе дано по благословию преподобного Амвросия Оптинского.

²⁰ Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья. Новосибирск, 1978.

Всё это живо видится, потому что так жили в старину почти все крестьяне, кроме тех, кои отлучились от земли и, скажем, привадились к охоте, рыбалке, мелкому ремеслу либо к отхожему промыслу.

Сергей Максимов запечатлел народно-православный, земледельческий обряд, предшествующий севу зерновых: «Поставлен на поле стол, покрытый чистой скатертью. На нём серебрится на солнышке водосвятная чаша, желтеют свечи и сереет большая коврига печёного хлеба. Перед столом полукругом стоят бородачи с иконами в руках, закрытыми полотенцами. Против них поместился священник с причтом, а за ними и весь этот народ, от чрева матери обречённый в поте лица своего снести хлеб свой. Молебен отпели: толпа зашевелилась и загудела, как пчелиный рой. Подали священнику севалку – лукошко с верёвочкой, чтобы ловко было перекинуть её через плечо, – берёт он из неё горсть сборной ржи от каждого двора и ловко, привычной рукой разбрасывает зерна по пашне. Затем идёт он краем поля, поперёк всех загонов, и кропит все полосы святой водой. И чью полосу окропляет, тот хозяин крестится, а иной ещё сверх того шепчет про себя, какую знает, молитву. (...)

При посевах всяких сортов хлеба великую роль играет так называемая "благовещенская" просфора, которую крестьяне или получают кусочком из рук священника при раздаче в конце обедни антидора, или сами подают за евхаристией *, чтобы вынули части за здоровье живущих и за упокой умерших. Просфору эту или кладут в сусеки, чтобы увеличить силу плодородия зерен, или на дно лукошка-севалки и в мешки с зерном. По окончании же сева просфору делят между семейными и съедают. (...)

И нет сомнения в той святой истине, какая исповедуется всем русским миром, что "земля любит навоз, как лошадь овёс, как судья принос". "Для того и кладут навоз, чтобы больше хлеба родилось, а полбу, чтобы людям годилось". "Где лишняя навозу колышка, там лишняя хлеба коврижка". "Какова земля, таков и хлеб". О даровании же хлеба насущного на худых и холодных землях молят в умилении сердца и, преклонив колена в церквах, в избах и на зелёных полях – на последних, когда показалась весёлая и радостная улыбающаяся зелень всходов. Широко и размашисто кладутся крестные знамена и во всю трудовую спину поясные поклоны. Звонко, с восторгом разливаются голоса поющих молебен. Искреннее увлечение всех предстоящих очевидно: все настроены благоговейно. Но в то же время кто может поручиться за то, что если бы была своя воля действовать, то не вырвались бы толпой бойкие бабы, не сбили бы священника с ног и не начали катать его по зеленым, а сами кувыркаться рядом, пожалуй, даже и с приговором: "Нивка-нивка, отдай твою силку, пусть уродится долог колос, как у нашего батюшки-попа волос"²¹.

* * *

И жил у матери-сырой-земли свой особый праздник: в Духов день земля именинница – от рассвета до рассвета никто не смел ни пахать, ни сеять, даже колупать носком чуни, ичига – и то было грешно: руки отсохнут, и ни жене чадородия, ни земле плодородия не видать, как своих ушей; и целовали землю – кормилицу, поилицу, утешительницу, с молитвой становясь на колени.

«Весною, когда земля вступает в брачный союз с небом, поселяне празднуют в её честь Духов день; они не производят тогда никаких земляных работ, не пашут, не боронят, не роют землю и даже не втыкают кольев, вследствие поверья, что в этот день земля – именинница и потому надо дать ей отдых"²².

В Духов день «по православным деревням обязательно служатся всенародные молебны. Народ собирается к часовням, толпится на площадках и окропляется святою водою не потому, что в эти дни совершаются молебствия по случаю избавления от бед, а потому, что в эти дни мать-сыра-земля бывает именинница. На Духов день, по объяснению, доставленному из Вятской губернии, земля потому именинница, что в этот день она сотворена (*Господом*. – **А.Б.**). Считается (...) грехом беспокоить именинницу, и крестьяне, нисколько не стыдясь и вовсе не скрываясь, припадают на колени и по

²¹ Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. С.-Петербург, 1903

²² Там же.

несколько раз целуют землю. (...) на всей Руси великой крестьяне строго придерживаются правила, что в эти дни никто не смел ни копать, ни рыть ям, ни пахать полей. Делается это для того, чтобы не обидеть кормилицу-землю и чтобы не осерчала она, и без того своенравная и капризная, тугая на подъём и скупая на милости»²³.

Ветхорусские крестьян, по неграмотности не читавшие Священное Писание, а токмо внимающие батюшкам на службе, либо, увы, вольным, легендарным, мифологическим толкователям Писания, вольно толковали и день рождения земли.

В Духов день крашенные луковой шелухой яйца, пролежавшие на божнице год возле пучка вербы, крестьянин зарывал в землю и, крестясь на восток, молился об урожае. Те же пасхальные яйца крошил в семенное зерно и запахивал их в первую борозду, чтобы градом не побил хлеб, чтобы ползучая и летучая тварь не заела, чтоб щедровитым уродился хлебушек.

Народно-православная земледельческая обрядовость породила и стихийные молитвенные обращения к Богу, Царице Небесной, Христовым апостолам и святым угодникам, пророкам, блаженным, страстотерпцам, святителям. Сергей Максимов в девятнадцатом веке записал со слов крестьянина мистический обряд – стихийно-молитвенное обращение к Илье-пророку, где уже нет языческого обожествления земли: «В некоторых местах (даже под самым г. Орлом), когда выходит засевальщик в поле, то, снявши шапку, молится на восток: "Батюшка Илья, благослови семена в землю бросать. Ты напои мать-сыру-землю студеной росой, чтобы принесла она зерно, всколыхала его, возвратила его мне большим колосом"»²⁴.

* * *

Эпоха советского богоборчества, истребляя из русской души веру во Христа Спасителя, попутно ...нет худа без добра... истребила из души и мистическое поклонение матери-сырой-земле; но на закате прошлого века, на заре грядущего, когда ожили православные храмы, стало оживать и очищенное от суеверий, молитвенное отношение к земле – ниве хлебодородной.

Вспомнилось близкое: после Рождества Христова и до Пасхи Господней мы, иркутяне, прихожане Михайло-Архангельской (Харлампиевской) церкви, готовились совершить паломническое путешествие в Забайкальский край, к землям бывшего Иоанно-Предтеченского монастыря. В Чикойских горах, на высокогорной елани, поросшей буйным разнотравьем-разноцветьем, век назад подвизался преподобный Варлаам Чикойский; там православные обрели его святые мощи. «Препояши мя, Господи, силою Твоею свыше на вся враги видимыя и невидимыя, и буди ми покров и заступление», – в согласии с молитвенным правилом преподобного Варлаама мы и совершили паломническое путешествие.

По дороге посетили церкви Забайкалья, святые обители православного Прибайкалья – Свято-Троицкий Селенгинский монастырь и Спасо-Преображенский Посольский монастырь. Прибыли в старорусский купеческий град Верхнеудинск (ныне – Улан-Удэ), где прошли детство, отрочество, юность духовного вдохновителя и руководителя экспедиции протоиерея Евгения Старцева, настоятеля Михайло-Архангельской (Харлампиевской) церкви.

Из Верхнеудинска тронулись на Кяхту...

Вздымаемся на таёжный хребет, в златоствольные сосняки, и за ветровым стеклом машины вольно распахивается Гусиное озеро; видятся в сизоватом мареве трубы Гусиноозёрской ГРЭС и сам город Гусиноозёрск, как и многие провинциальные города России, полвека богатый и процветающий, а ныне, лет двадцать назад брошенный властями на произвол безжалостной судьбы, – в удручающем упадке и запустении. Изрядная часть трудового люда от бескормицы укочевала, за гроши продав квартиры, другая часть перебивается с хлеба на квас, и дотягивают свой век пенсионеры. Вдоль степного берега озера, словно после бомбёжки, угрюмо чернеют остовы и печи разорённых дач. И далее – мать-сыра-земля, ныне, как и по всей России-матушки, брошенная, заросшая травой-

²³ Там же.

²⁴ Там же.

дурниной.

Весь паломнический путь мы беседовали с отцом Евгением о судьбе забайкальских приходов, кои мы посещали, и где батюшка либо служил молебен, либо возглавлял крестный ход, либо проводил беседы по строительству новых и реставрации старых церквей.

От берегов Гусиного озера без привалов доехали до купеческой Кяхты, процветавшей в старые, добрые времена, известной по всей России «чайным и шёлковым» торговым путем. Здесь батюшка служил настоятелем в Успенском храме, будучи одновременно и настоятелем нескольких сельских приходов – в сёлах Тамир, Ивановка, Кудара-Сомон, Усть-Кяхта. И о ту пору, и поныне, к прискорбию, в забайкальских сёлах – острая нехватка сельских попов.

Тамир – древлематёрое, русское село, словно чудом выплывшее из восемнадцатого века... Улицы – сплошь дородные бревенчатые избы, с рублеными фронтонами – явный признак старинного избыного зодчества. И, может, потому, что деревня вытянулась вдоль широкой, насквозь продуваемой долины, усадеб едва коснулась гниль. Да и, слава Богу, хозяева обихаживали дедовские избы, отчего они и не ветшали, не вращались в землю-матушку; и в отличие от других сёл и деревень немного высмотрел я в Тамире брошенных усадеб, как мало увидел и нынешнего убогого новостроя; из поколения в поколение жили и живут многие тамирцы в могучих хороминах, рубленных дедами и прадедами.

О деревенской судьбе мы беседовали с главой сельской администрации, старостой здешнего церковного прихода Юрием Климовым. А судьба Тамира, как и прочих российский сёл и деревень, словно жизнь, когда хоть помирай ложись: молодёжь бежит из села в город прытче, нежели в добрые советские времена, ибо нет работы – почти все колхозы, совхозы рухнули. Доживают толскливый век пенсионеры – мало-мальская пенсия есть на хлеб и чай, да огородинка и подворная скотина выручают. Иные молодые, коим некуда бежать из села, пьют беспробудно, не вем на какие гроши; впрочем, как и во всех российских деревнях и сёлах, шинкарки, наживаясь на великом русском горе, бойко торгуют дешёвым контрабандным спиртом, в народе прозванном «палёный, катанный; палёнка, катанка». Другие молодые пашут от темна до темна, не разгибая спины, абы свести концы с концами; держат полное подворье скота: десять-пятнадцать-двадцать коров, телок, бычков, с пяток, а ино и десяток, лошадей, что летом пасутся в долинах рек, зимой копытят на полях, где ветер выдувает снег. За тридцать лет супостаты, фармазоны, полонившие Россию, до нитки ограбили страну, и ныне бесом избранные с жиру бесятся, а простолюдые, тем паче крестьяне, с кваса на хлеб перебиваются. Но о том, в ином очерке.

Речь шла о хлебе насущном, что круто посолен крестьянским потом; но и с духовным хлебом у нынешних крестьян разлад. А Господь рек: «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих». (Мф. 4:4)

Хотя в иных районных и малых сёлах возродились церкви, где батюшки, чаще наезжие, служат на Пасху Христову и великие праздники да от случая к случаю крестят, отпевают, исповедуют, причащают, соборуют, тем не менее, народ деревенский не спешит в храмы Божии, приглядывается: не маскарад ли?.. В своё время крестьянский писатель Валентин Распутин сказал: де, сколь трудно было сельского жителя отлучить от православной церкви, столь трудно будет снова его в церковь залучить. Помните, «Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них. И сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное» (Мф. 18:2,3). Русские крестьяне – суть дети земли, с коими властям, мирским и духовным, и надо обращаться искренно, любя восхитительно и сострадательно, но и держа в крепкой отеческой руке, понуждая к добру где лаской, а где и таской. Деревенский люд, по-детски искренний, рядиться в православие и фарисействовать не будет, а придёт в церковь, лишь поверив в полную душу в Отца и Сына и Святого Духа, в бессмертие души, в Царствие Небесное с раем и адом. Для крестьян, как в Благой Вести: «...Да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого». (Мф. 5:37)

Покаюсь, за вечерней трапезой у тамирца Юрия Климова я, многогрешный рабчишка Божий, забыв о смирении, послушании, почитании священнического сана, вступил с отцом Евгением в перебранку, защищая нынешних крестьян, которые, увы, пока ещё проходят мимо сельских церквей: иные не в силах справиться с материализмом, который вбивали в их разум с отрочества, иные от лени души, иные от беспробудного пьянства. Справедливо укорял батюшка хмельных, ленивых, безбожных селян, а я оправдывал: бывший деревенский парень, жалел я несчастных сельских жителей, которых испокон русского веку ломали через колено – крепостное право, коллективизация и раскулачивание крепких хозяев, а когда селяне привыкли к совхозам и колхозам, обретая в них былую

общину, когда рассвело село, власть жестоко порушила коллективные хозяйства, кинув крестьян на произвол безжалостной судьбы; и уйма крестьянских малосемейных дворов, отвыкших выживать единолично, погрузились в беспросветную нищету и пьяную тоску. Одыбают ли село, вернётся ли в храмы, Бог весть... Одна надежда: сельские души, если и пустые, то чистые, не исписанные демонскими письменами мудрости мира сего, как у интеллигенции, когда уже нет вольного поля для Глаголов Божиих. Опять же, если интеллигенция приходит к Богу, читая духовные книги, то рабоче-крестьянское простонародье обретёт былую православную веру лишь по слову священника, а батюшка духом, душой, житейским образом должен быть достоин Слова Божия. Для русского простолюдыя Бог, церковь, поп – едино, и приходской пастырь, желающий обрести паству, жаждущий, чтобы поучения его «падоша на земли доброй, и даяху плод...», обязан и жить-то жизнью, близкой жизни прихожан с их заботами-хлопотами, с их радостями, с их нужей и стужей, и быть ещё и нравственным образцом в своём некорыстном, бессребренном, нелукавом служении Богу. Иначе простолюдые лишь усмехнётся, слушая лукавого батюшку: *сладко в рот, да горько в сглот; поёт добро, творит зло*; а грамотей и на Писание сошлётся: «Люди сии устами своими, и чтут Меня языком, сердце же их далеко отстоит от Меня» (Мф. 15:8). Невдомёк селянам, далёким от Слова Божия, что можно творить по словам их, но не по делам их; впрочем, не вместит се душа крестьянская, прямая и простая.

Переночевав в селе Тамир, уехали в село Ивановка, где отец Евгений совершил молебен в строящейся сельской церкви, а потом возглавил крестный ход по ивановским полям, смертельно страдающим от затяжной засухи. И – воистину по молитве и Промыслу Божию – когда наш крестный ход подходил к завершению, когда батюшка под хилое пение ивановских прихожан, сморённых на палящем солнце, освятил-таки поля вдоль семикилометровой дороги, разверзлись небеса Божии и на посеvy тёплым потоком хлынул дождь. Излилась благодать Божия на хлебородную плоть матери-сырой-земли.

* * *

Своя земля и в горсти мила... Уходя из деревни в чужедальние края – в город ли, на отхожий ли промысел, на войну ли, – крестьяне брали зашитую в тряпичную ладанку родную землю: щепоть из-под печки, чтоб не забыть тепло и добро родной избы; щепоть из-под приворотной веревки, чтобы помнить ход на подворье; щепоть с росстаней дорог, чтоб не заблудить на жизненных путях и перепутьях и не забыть дорогу в родные земли. «И никому-то не хотелось лечь на чужой стороне, всякий-то про свою родину думал и, умирая, слёзно молил товарищей: как умрёт, снять у него с креста ладанку да, разрезавши, посыпать лицо его зашитой там русскою землёй... У меня одного ладанки с родной земли не бывало... И востосковалось же тогда сердце моё по матушке по России»²⁵.

Не сдуру и слепого, хладнодушного исполнения древних заветов, не для лукавой потехи, а ради душевной утехи рядом с нательным крестиком в сумочке с ладаном – в ладанке – прела на груди щепотка земли: земля родимая, освящённая крестом и Христом, от всех бед и напастей *отворотит*, а странника избавит от сухоты-кручины по родине. Крестьяне, прости им Господи, в первые века после Святого Крещения, ещё верили в *приворотную* силу и *отворотную*, как, увы, язычески одухотворяли и землю, наделяя её самосвятостью. «Третья, (*первое – небо, вторая – вода.* – А.Б.) по старинному счёту, мировая стихия – земля – почтена наивысшим хвалебным эпитетом: с незапамятных времен она называлась "матерью", и у всех народов, а в том числе и у нас, русских, была возведена на степень божества»²⁶, – писал народовед Сергей Максимов.

Обороняли и спасали душу лишь молитвы к Богу и Святой Троице, к Царице Небесной, Божиим ангелам и архангелам, ко всем святым, во Христе просиявшим. Не спасала земля, просолевшая потом в ладанке, не отводила шальную пулю, но, крестьяне полагали: от иных напастей и оберегала, ибо не давала забыть *отчую* землю – землю *отичей* и дедичей, и, томя память светлой печалью,

²⁵ П.И.Мельников (Андрей Печерский). В лесах. М., 1989.

²⁶ Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. С.-Петербург, 1903.

совестила, уводила от греха. А коль с грехом разминулся, то и горе, и погибель стороной пройдут, испугаются, яко чёрт креста с ладанкой. Эта же, плачеей оплаканная, намолённая земляца напоминала о покинутой земле предков, о ждущих родителей, исподволь наказывала слезливым материнским шёпотом: ох, не лезь, парень, поперёд батьки в пекло, берегись, сынок, не суйся лишний раз туда, куда не просят; себя не жалеешь, так нас пожалей, отца с матерью, – сам пропадёшь и нас по миру пустишь. Эдак святая, всемогущая сила земли русской, сила любовной памяти о ней спасала мужиков от гибели, от потери лица человеческого.

А вот другой не менее распространенный обычай в крестьянской среде, поведанный Сергеем Максимовым, знатоком народных обрядов: *«Особенное отношение нашего народа к матери – земле-сырой выражается, между прочим, в так называемых земных поклонах. В старину русские люди при встрече с наиболее уважаемыми людьми кланялись до самой земли, касаясь до неё лбом или, взамен того, ударяя оземь шапкой... Сын, дерзнувший оскорбить на миру мать или отца, обязательно целует землю после того, как произнесёт клятву, смотря в небо и перекрестясь троекратно»*²⁷. Бытовал и такой обычай: клялись на земле – щепоть её съедали в подтверждение данной клятвы, и уж не было твёрже слова, даже клятва на крови – и та не равнялась с *земным* словом. «В старину на Руси вместо обыкновенной присяги долгое время в спорных делах о земле и межах употреблялся юридически признанный обряд хождения по меже с глыбою земли»²⁸, – писал Александр Афанасьев, знаменитый собиратель русских народных сказок, автор выдающегося исследования «Поэтические воззрения славян на природу». Воинственные древние русы чаще клялись на крови; а после Святого Крещения, клянясь, осеняли душу крестным знамением и целовали крест.

Долго крестьяне не расставались с древними *земными* поверьями; до начала XX века выжил старинный обычай, когда супостатов, от веку и поныне зарившихся на Русь, и татей дорожных, и тяжко прегрешивших пред крестьянским общинным миром, одолевши, заставляли грызть землю, – молить прощения у матери-сырой-земли и у рода-племени, пуповиной сросшегося с нивой. Недаром было распространено и выражение такое, произносимое в сердцах: и как тебя, супостата, земля носит?! чтоб тебе провалиться сквозь землю!

Помянем былое: дымом и полымем исходила Москва, лилась кровь братьев во Христе, сиротливая, вдовья Русь коченела в сугробах от хлада и глода, и русские воители посулили французам в слезах и в сердцах: заставим вас, супостатов, землю грызть. И грызли. Грызли землю, оледенелую и отчуждённую, скребя сорванными в кровь, отмороженными ногтями, – грызли и, может быть, калялись, просили у земли русской милости.

* * *

Крестьянская любовь к земле – целомудренно затаенная, дабы всеу не истрепать, светлая и нежная, подобная мужней любви к жене богоданной и чадородливой, – любовь сия выразилась даже в том, что в первой половине прошлого века, когда создавались колхозы, среди забайкальского крестьянства (и особо, среди старообрядческого) явились вдруг *сохачи*, пашущие землю лишь сохой²⁹. В словаре Элиасова есть пояснение этого слова, вошедшего в забайкальский говор: «Сохач –

²⁷ Там же.

²⁸ Афанасьев А.Н. Древо жизни. М., 1982.

²⁹ Соха — пахотное орудие типа [рапа](#) у [русских](#) – с широкой рабочей частью (рассохой) из дерева, оснащённой двумя железными [сошниками](#) и железной лопаткой – полицей и соединённой в верхней части с [оглоблями](#), в которые запрягали лошадь. Главное отличие от [плуга](#) в том, что соха не переворачивала пласт земли, а лишь отваливала его в сторону. По сравнению с плугом соха требовала при пахоте меньшего тягового усилия лошади, но больших физических усилий и мастерства от пахаря. Глубина обработки почвы сохой – до 12 см. Соха использовалась для пахоты [подзолистых](#) почв в зоне хвойных и смешанных лесов, толщина плодородного слоя которых в начале XX века редко достигала 15 см. Соха известна с конца 4–начала 3 тыс. до н. э. в Древнем Египте, Месопотамии, Средиземноморье (о. Крит). В средние века была распространена у многих народов Евразии. Первоначально была целиком деревянной, позже стала снабжаться железными сошниками. В русских письменных памятниках упоминается только с 14 в., однако применялась значительно раньше, о чём свидетельствуют находки железных сошников 7–8 вв.

крестьянин, отказавшийся пахать плугом, не признающий техники в сельском хозяйстве, приверженец сохи»³⁰.

Вероятно, забайкальскому сохачу-оратаюшке больно было ...аж мороз по коже пробежал, и холодело под ложечкой... томительно было даже вообразить, как вонзятся тяжёлые железные плуги в мать-сыру-землю – словно в его собственную плоть – изрежут, избородят её, вывернут наружу глину, завалив животворный слой; тогда как соха, лёгонькая, деревянная, по мнению сохачей, вроде не пашет, а ласкает, бодрит, расчёсывает нивушку.

«Как орёт в поле оратай, посвистывает, // Сошка у оратая поскрипывает, //Омешики по камешкам почиркивают...» Так пашет, а сказывая былинным слогом, *орёт* крестьянин Микула Селянинович, с силушкой которого не мог равняться и святорусский богатырь Святогор, а Илию Муромца, тоже крестьянина, оратай Микула посадил в карман вместе с борзым конем³¹.

Соха ласкает нивушку... Со времен ли скифов-пахарей, или от эпохи древних русов и славянского племени полян сроднились наши пращуры с сохой из дубового кореня, а потому и нелегко было от сохи махом и отречься; впрочем, семейские мужики, будучи расторопными и умудрёнными, первыми в Забайкалье стали пользоваться плугом – легче вздымать целину, тем паче на таёжных елянях и после корчевания леса.

Соха... Любомудрое, краснопевное русское крестьянство поклонялось сохе, пословино-поговорочно, загадочно выразив благодарственные поклоны: *Богу молись, крепись да за соху держись; полюби соху, будешь с хлебом; кто ленив с сохой, тому весь год плохой; у матушки сошки золотые рожки; держись за сошеньку, за кривую ноженьку; держись крепче сохи да бороны; было бы поле, найдём и сошку; веретеном оденуть, сохой укроюсь; соха кормит, веретено одевает, а подати на стороне; не давай коня в соху, не пускай жену в свахи; летела пава, села на припале, рассыпала перья по всему полю (соха, которая пашет); тулово рябино, хребет соболиный (соха); баба яга, вилами нога: весь мир кормит, сама голодна (соха).*

Можно нынче драть нос перед ранешним сохачом, можно ухмыляться над его наивностью – мы долго над всем родным дедовским ухмылялись, даже лица покоробило, повело от вмерзших в лицо ухмылок, и лишь теперь вспомнившие вдруг родство спохватились, захотели приглядеться к дедовской жизни, да уж мало что видно; можно посмеяться над сохой и над сохачом-оратаем, словно над есенинским дуралеем-жеребёнком, вздумавшим угнаться за «железным конем» – паровозом, но грех забывать то, что движимы были сохачи-оратаюшки, как и приверженцы древних земляных обрядов, перво-наперво любовным, сыновьим и дочерним поклонным отношением к матушке-земле. Впрочем, в приверженности к сохе имелся и резон: вспомним неглубокую, безотвальную вспашку в хозяйстве народного агронома Терентия Мальцева; вспомним его неодобрительное отношение к тяжёлой, убивающей землю в камень, грубой технике, к избытку химических удобрений; вспомним попутно и о щедрых урожаях на мальцевских полях. И таилось в страхе сохачей перед техникой и некое далёкое, скорбное предвиденье трагедий технической цивилизации, коя, хлебом солью приветив антихриста, стремительно приведёт мир к концу света.

* * *

Велика тяга земная...

Вспомнилось... Едва стаял снег, и на солнопеках стеснительно, робко пробилась младенческая травка, набухли почки, березняки потянулись голубоватым маревом, и гужом повалил народ из каменной духоты на лесные просторы и дачи, что вот-вот проснулись от зимней спячки. Манит матерь-сыра-земля – дивное Творение Божие... Закурились дымки на усадебках, поплыл горьковатый запах горелого листа, мурашами забегали дачники меж грядок, парников и теплиц, подкармливая землю перегноем и назьмом. Для пожилых дачников с их христорадной пенсишкой картошка-моркошка и всякий овощ – ладное подспорье, с голоду не пропадёшь. Вижу диво: по лесному дачному проулку тихо

³⁰ Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

³¹ Далее из очерка автора «Святая Русь не пуста стоит» (Байбородин А. Сб. «Яко богиню землю нареки»: очерки // М., Современник. 1991.)

шуршит лаково блестящая, похожая на майского навозного жука, заморская легковуха: «Мерседес», поди», – прикидываю я, а коль сроду не держал в руках баранку, все иномарки для меня на одну заморскую харю. Крышка багажника открыта, а в багажнике... навоз. Я, вечно мотаясь в садоводство на электричке, дивлюсь: имеющий эдакий лимузин, мог бы запросто купить той же картошки, моркошки, тех же цветов садовых, ан нет, самому охота сеять, в земле ковыряться. Манит мать-сыра-земля... И видится: перелопатит мужик навоз из багажника в огуречный парник, истопит баньку, выхлещет берёзовым веничком усталъ и унынье, и, не чуя плоти тихо ликующей душой, притулится к песенному застолью, и вдруг потянет дивом дивным явленное в душе: «Отец мой был природный пахарь, а я работал вместе с ним...», и сквозь слёзную наволочь вдруг узрит испоконное: сизый туман пасётся в речной долине, а на солнопечном взгорке оратай Микула Селянинович листвяничным корневищем раздирает целик под пашню, весело судачит с мохноногим деревенским меринном, и вольный ветер гуляет в русой бороде, полощет хольшовое рубище, бодря закомлевшую распаренную плоть.

Микула Селянинович... Да, не родилось на земле сословия сильнее крестьянского, ибо *крестьянин несет крест Христов*... Илья Муромец³² – сын пахотного мужика Ивана Тимофеевича из села Карачарова, что под городом Муромом, отчего поганые да обезбоженные бары и бояре дразнили Илию деревенщиной. Богатырь Илья Муромец в героическом русском эпосе – обобщённый образ русского народа: крестьянин по родове и духу, казак-шлемоносец по ратной службе, оборонитель Святой Руси, защитник вдов и сирот, а на склоне жизни – покаянный инок, замаливающий смертные грехи, скопленные в казачьей вольнице, и в глубокой старости – святой, в Земле Российской просиявший, чьи нетленные мощи покоились в Дальних пещерах Киево-Печерского монастыря.

Будучи по роду-племени, по натуре до скончания века деревенским мужиком, Илья обладал исконным и законным правом молвить слово и сражаться от имени всего народа русского, который, напомним, ещё в начале двадцатого столетия на все девяносто процентов жил крестьянским миром и ладом. По чудесному исцелению, обретению богатырской силы былинный Илья Муромец – крестьянин-землепашец: корчует лес под пашню, выдирая дубы с корнями, удаляя громадные камни. В акафисте преподобному Илие Муромскому воспеваётся: «Силу великую почуяв в себе, Илие, испив чашу чудодейственную, яко мощи ти горы преставляти и древа дубравная из земли исторгати, рече о сем странником, вопрошающим о явлении силы твоя, и в радости воспел Спасителю: Аллилуиа».

Ведомо, могучностью Илью превосходили лишь Святогор и пахотный крестьянин, оратай Микула Селянинович. Святогор ...его со стоном и слезьми носила на себе мать-сыра-земля... мог Илию вместе с конём посадить в карман, но даже Святогор не тягался с природным пахарем Микулой Селяниновичем. Да и какое там тягаться, Микулину сумочку переметную и ту...

...не мог пошевелить;
Стал здымать обема рукамы.
Только дух под сумочку мог подпустить,
А сам по колена в землю угрыз...

Ибо таилась в Микулиной сумочке тяга земная, одному оратаю Микуле Селяниновичу подсильная. Недаром Божьи посланники, калики перехожие, напоившие Илию святой водой, и те упреждали богатыря:

Не бейся с родом Микуловым,
Его любит матушка-сыра-земля...

³² Подробно о сём в очерке автора об Илье Муромце.

Грехи, тяжкие преступления в русском (паче старообрядческом) крестьянстве – преступления перед землей: непочтительное, равнодушное, нерадивое отношение к ниве хлебодородной, к сенокосным угодьям и пастбищам. За эдакие грехи мужиков в Забайкалье *потчевали земляникой*, – нещадно пороли плетью. В словаре Лазаря Ефимовича Элиасова есть толкование сему слову: «*Земляника* – наказание крестьян плетью за плохое отношение к земле». Для пушего уяснения «земляники» можно прочесть и воспоминания забайкальских крестьян, приведённые Лазарем Ефимовичем: «Выходит староста из соборни, – поминает крестьянин Орлов, – подходит к мужикам и говорит: кто сѣдни должен «землянику» получать? – Вот им надо дать «землянику». Хлеб у них на пашне наполовину осыпался». А вот жалуется, – жалуется; похоже, без обиды – другой забайкальский мужик – Катков: «Поугощали нас, бывало, «земляникой». Мой-то отец «землянику» не получал, а его братанник четырежды штаны спускал». Ещё обстоятельнее растолковывает дело крестьянин Кобелев: «Староста появлялся перед мужиками и говорил, чтобы Ивану или Поликарпу дать «земляники». «Землянику» получали те мужики, что поздно засевали поля, с опозданием урожаем собирали». «С полсотни «земляник» получишь, – вспоминает Меркушев, – так с месяц не присядешь».

Что особо примечательно и поучительно для работников сельского хозяйства, *земляникой потчевали* за дурное отношение даже не к общинной земле кормилице, а к частной, к той, кою мир отмежевал тебе под пашню, сенокос, пастбище. Если бы подобное наказание дивом дивным возродилось вновь, то скольким бы агрономам, председателям, директорам, а тем паче сидящим повыше, пришлось бы спускать штаны и ложиться на лавку в ожидании «берёзовой каши»³³. А уж самих мужичков эдаким образом не наказал бы: у Егорки в значке отговорки: люди казённые, что велят, то творят. Отведали бы, чем пахнет *земляника* иные учёные, и долго бы не садились за письменный стол, и не писали бы жестоковыйных бумаг, не отпускали бы на безропотные мужичьи головы вредных инструкций. Даже я помню времена, когда у нас в районе на вечной мерзлоте велели сеять достопамятную кукурузу.

Нравственное отношение к земле среди забайкальского крестьянства впадало – по нынешним понятиям – и в крайности. Помню, ветхий старик из большой, расхристанной деревни толковал, что при размежёвке мир не давал земли суразу – парню, *которого мать на меже подобрала и в подоле принесла*, – словом, в блюде прижила. Лихо жилось суразу, коль не ведал богоданного отца, родился от проезжего молодца; не солью посыпал, слезами поливал чѣрствый хлебушек сельский обсевок, от чего и народилась горькая поговорка: что я в поле за обсевок?..

– Но сын-то не виноват! – не внемля древнему старику, с молодой запальчивостью перечил я. – Сын-то за мать не ответчик!.. Дикость...

– Дикость, паря, али не дикость, Бог весть... – старик усмехнулся, – думали, другим девам неповадно будет. Ты, дева, сперва подумай головой, какую ты жизнь ладишь нагулянному чаду, опосля грехи, коли греха смертного не страшишься. Тебе утеха любодейная, а суразу – маета пожизненная. Прикинешь, да, глядишь, и не станешь лишний раз подолом трясти, по кустам шастать. Лучше уж поруськи, по-божецки, с венцом, тогда и чадо землѣй не обидят. А за углом... – собачья сбеглишь – снюхались, повязались, яко псы. Но, паря, бывалочи, ежели сураз путный, не то, что... в поле ветер, в заде дым, дак и отстаивал сход, и обсеву земли давали.

Суровые, на теперешний взгляд, жестокие законы властвовали в крестьянском, и особо старообрядческом миру: взять хотя бы *поругание* – старинный обычай у семейских, когда тяжко пригрешивший перед Богом, народом, матушкой землей, был *поруган* – опорочен на миру. Неверной девушке остригали волосы, изменившей жене брили голову, на вора набивали колодки, а уж про порку и речи нету – долго не чикались: согрешил перед землѣй, перед миром – скидывай штаны и не разговаривай; отведаешь плетей или виц, наперѣд заречѣшься.

– Натерпелись мы поруганья от стариков; чуть что, сразу поруганье, вот и срамят тебя перед всем миром, – вспоминал со вздохом старик, а потом с ехидцей прибавил. – Зато теперичи браво: и девка гуляй, и баба хвостом трепли, и мужик воруй, не попадайся, – мир не осудит, старики поруганье не наложат. А уж за землю никто тебя не укорит, никто «земляники» не даст.

³³ Очерк писался в советские времена; а самочинных-самозванных правителей России конца XX–начала XXI в. не то что «земляникой» угостить, мало на колы посадить, – под корень извели российское сельское хозяйство.

Так ещё до середины XX века русские народно-этические понятия *добрый, худой человек* основывались прежде всего на отношении человека к земле, и высшей похвалой было: *человек земляной, на крестьянскую колодку шитый*.

* * *

Ведомо, что среди российского крестьянства, а уж тем паче забайкальского, старообрядцы (семейские) выделялись непревзойдённым земледельческим талантом, а в основе таланта – азартное трудолюбие, крепкий домострой и бережливый, многовековой хозяйственный опыт. Замечательные книги написал о старообрядцах известный сибирский ученый-этнограф, доктор исторических наук, уроженец семейского села Большой Куналей Фирс Федосович Болонев, архивные материалы которого использованы в данном очерке. Так, в книге «Народный календарь семейских Забайкалья» читаем: «Семейские принесли в Забайкалье богатые трудовые традиции, многовековой крестьянский опыт, наблюдательность и смекалку земледельцев, прилежание и любовь к земле, стойкость перед невзгодами, деловой практицизм и трезвый расчет...»³⁴.

Старосельские люди говаривали: не ведали бы счастья, да несчастье помогло, – от насильственных переселений старообрядцы развили редчайшую способность осваивать землю под хлеборобную пашню даже в краях предельно рискованного земледелия: морозы за сорок и скудные, каменистые почвы. В 1772 году академик П.С. Паллас тщательно исследовал поселения семейских в Забайкалье и пришёл к выводу: «...Селенгинская страна и другие в рассуждении их обширности никогда не могут столь быть многолюдны и хлебом обильны, как другие сибирские места, не слишком к северу близкие, при этом везде сверх крутых гор по долинам и косогорам весьма каменисто или чрезвычайно песчано. Так что кроме кочующих народов, каковы бурета и тунгусы, никакому другому тут жить не можно».³⁵

Но Паллас ошибся. Семейские не только прижились в «селенгинской стране», но освоили под хлебородные нивы даже и горные покати. Изучая дальше семейское крестьянство, Паллас уже пишет о том, что выведенные из Польши староверы «... по лесистым горам не без малого труда и прилежания, но и не без желанного успеха расширяются. Оне имеют довольно хлебопашество (*это уже через 6 лет после их поселения за Байкалом. – А.Б.*), а жалуются только, что по подлежащим сенокосам немного для скота травы родится, которым напротив того оне уже довольно развелись...»³⁶ В этом же сочинении Паллас сообщает, что семейские первыми среди сибирского крестьянства стали использовать плуг, которым пахут «гораздо глубже и лучше кореня подсекают, нежели русскою сохою»³⁷. Соха добра на старых пашнях, а целик подымать малосильна, плугом сподручнее.

О хлебопашестве старообрядцев за Байкалом восхищенно отзывается и А. Мартос. Он пишет, что оно достигло «... высочайшей степени совершенства. Многие оратаи засевают хлеба по сту десятин. Рожь родится сам десять, яровой хлеб обыкновенно двадцать зерен».³⁸ Заведение «польскими поселенцами»³⁹ устойчивого хлебопашества в Забайкалье необходимо было не только для того, чтобы прокормить себя, «...семейские должны были обеспечить Нерчинские рудники хлебом, в котором тогда ощущалась очень большая нужда».⁴⁰

Хотя за Байкалом земли вдоволь, тем не менее, резали наделы строго, абы, перво-наперво, не утеснить бурятские роды (им с широкого царева плеча выделяли по 80 десятин земли на душу мужеского пола), потом – казаков (им – по 40 десятин), а уж крестьянам – по 16 десятин. Но если *сибирякам* (так семейские и «польские» поселенцы звали общеправославных, укорененных в Сибири) могли дать и плодородные земли в долинах рек, то раскольников, случалось, загоняли в неудобия, где

³⁴ Болонев Ф.Ф. «Народный календарь семейских Забайкалья». Новосибирск, 1978.

³⁵ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб, 1772. Ч. 3. Половина 1.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Мартос А. Письма о Восточной Сибири. М., 1827.

³⁹ Польскими поселенцами, поляками именовали старообрядцев, при Екатерине II переселенных с польских земель, куда Польша входила в состав Российской империи.

⁴⁰ Мотицкий В.П. Старообрядчество Забайкалья. Улан-Удэ, 1976.

трудно и помыслить о хлебопашестве. Коль у бурят оказалось изрядно доброй земли – долины, степи, тайга, – то семейские брали у них в аренду на 40 лет тайгу, и часть её разделявали под пашню.

Разумеется, освоение малопродуктивных для хлебопашества земель стоило семейским и огромного физического напряжения и духовной стойкости, поскольку и тут власти, почитавшие их раскольниками, не давали покоя. Сообщая о старообрядческих пашнях, М. Геденштром пишет: «Бывший тогда селенгинский обер-комендант поручил одному майору отвести им под поселения земли. Сей, по ревности своей к православию, ненавидя их, отвел им леса и горы, предполагая усугубить их нещастие. Но благое провидение, несправедное усердие его обратило в пользу старообрядцев: с несказанным трудом расчистили густые леса, и приобретённые пашни вознаградили их с лихвою... Лучшие пашни их расположены по высоким горам и к некоторым из них можно достигнуть с трудом по крутой узкой тропе»⁴¹.

Путешественники, побывавшие в староверческих селениях Забайкалья, писали о насадном труде, о воловьей выносливости, благодаря коим возделывались земли высоко в горах, куда плуги, сохи и бороны завозили верхом на лошадях и где пахали в одну борозду. О сём писал литератор, публицист Н.М. Ядринцев: «В некоторых деревнях крестьяне сеяли хлеб на высоте 4 тысячи футов. Покосы бывали в таких ущельях, что сено приходилось вывозить верхом, связывая веревками в охапки. И тем не менее крестьяне облюбовали эти места за девственную почву... Благодать, чернозём 6 вершков глубины»⁴².

Приживаясь на забайкальских землях, семейские, хотя и жили скрытно, хотя и сторонились «поганистых» – патриарших сибиряков и бурят, – тем не менее немало переняли из хозяйственного опыта у тех и других. Русские крестьяне, давно жившие бок о бок с бурятами, эвенками, возродили «баргутские канавы», ирригационные сооружения, коими пользовались некогда обитавшие здесь народы. «...Многие крестьяне воспользовались древними инородческими канавами», – писал Н.М. Ядринцев⁴³.

Не только государственные мужи России XVII, XVIII, XIX веков и путешествующие этнографы, такие, как С. Максимов, но и знаменитые русские писатели Некрасов, Гончаров, Мельников-Печерский, Чехов с удивлением и восхищением писали о семейских крестьянах, которые обратили сухую степь и студёный горный камень в щедрую житницу и наладили в забайкальской тьмутаракани крепкое, красивое, мудрое житьё-бытьё.

Поэт Николай Некрасов с радостным дивлением описал Тарбагатай – большое семейское село в Забайкалье: *«Горсточку русских сослали // В страшную глушь за раскол, // Волю да землю им дали; // Год незаметно прошёл – // Едут туда комиссары, // Глядь – уж деревня стоит. // Риги, сараи, амбары! // В кузнице молот стучит. // Мельницу выстроят скоро. (...) // Вновь через год побывали, // Новое чудо нашли: // Жители хлеб собирали // С прежде бесплодной земли. // Так постепенно в полвека // Вырос огромный посад. (...) // Как там возделаны нивы, // Как там обильны стада! // Высокороклы, красивы // Жители, бодры всегда, // Сыты там кони-то, сыты, // Каждый там сыто живёт, // Тёсом там избытокрыты, // Ну, уж, зато и народ! // Взросшие в нравах суровых, // Сами творят они суд, // Рекрутов ставят здоровых, // Трезво и честно живут, // Подати платят до срока, // Только ты им не мешай. // Где ж та деревня?»* // – Далёко, // Имя ей: Тарбагатай, // Страшная глушь, за Байкалом...»

И.А. Гончаров, возвращаясь из кругосветного путешествия по Якутско-Аянскому тракту, встречался со станционными крестьянами. *«Русские все старообрядцы, все переселенцы из-за Байкала... (...) Не веришь, что едешь по Якутской области, куда, бывало, ворон костей не занавивал, – так оживлены поля хлебами, ячменём, и даже мы видели вершок пшеницы, но ржи нет. Хлеб уже в снопах, сено в стогах»*⁴⁴.

Где в семье достаток, обрётённый праведным трудом, где крепок домострой и чисты нравы, там и люди красивы не только душой, но и статью; и путешественники, этнографы, писатели восхищались: мол, девки и бабы семейские («поляцкие») красивы и дородны, напоминая донских и малороссийских казачек, что старики, похожи на библейских пророков, – все так и просятся на живописные полотна.

Ю.Д. Талько-Грынцевич, врач, археолог, антрополог и этнограф, познакомившись с раскольниками, сотни крестьян обследовав, пришёл к выводу, что семейские среди великороссов антропологически ближе всех стоят к исконному славянскому типу. Учёный «... нашёл в них

⁴¹ Геденштром М. Отрывки о Сибири. СПб, 1880.

⁴² Ядринцев Н.М. Раскольничьи общины на границе Китая. // Сиб. сб., 1886. Кн. 1.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Л.: Издательство «Наука», 1986.

выдающуюся по чистоте типа и сохранению народного культа острель великорусского племени»⁴⁵. С. Максимов отметил, что староверческие жёнки «поражают красотой лиц и дородством тела»⁴⁶. А декабрист Андрей Розен, побывав в старообрядческих селениях во время ссылки в Забайкалье в 1830 году, писал: «Избы и дома у них не только красивы углами, но и пирогами... а люди, люди!.. Ну, право, все молодец к молодцу. Красивы, не хуже донских, – рослые, белолицые, румяные... Всё у них... показывало довольство, порядок, трудолюбие»⁴⁷. Подчёркивая, что и внешняя красота старообрядцев исходила из их нравственной жизни, Г.М. Осокин утверждал, что «ведя более правильную жизнь, не злоупотребляя вином, табаком, распутством, семейские дали краю крепкий, здоровый, сильный и красивый тип населения»⁴⁸.

Как ни утесняла раскольников государева власть, но и власть осознала, а иной раз откровенно признавала: ревнители древнерусского благочестия, – духовно-культурный и хозяйственный цвет русского народа, о чём и писал П.И. Мельников-Печерский, будучи и писателем, и царским чиновником. Речь даже не идёт о том, что старообрядцы к XIX веку породили выдающихся купцов, промышленников, много содейвавших для процветания России. Похвальные слова семейским, с Божьей помощью и великим крестьянским талантом освоившим дикие забайкальские земли, звучали даже из уст Трескина, иркутского губернатора: *«Пример редкого трудолюбия, прилежания к хлебопашеству подают поселённые в Верхнеудинском уезде старообрядцы. Они поселены лет за сорок на местах песчаных и каменистых, где даже не предвиделось возможности к земледелию, но неусыпное трудолюбие их и согласие сделало, так сказать, и камень плодородным. Ныне у них лучшие пашины, и их хлебопашество составляет им не только изобильное содержание, но есть главнейшая опора Верхнеудинского и Нерчинского уездов. Начальство долгом считает обвестить по всей губернии редкое прилежание, трудолюбие и общепользность крестьян-староверов Верхнеудинского уезда – Мухоршибирской, Куналейской и Урлуцкой волостей и изъявить им за то совершенную признательность»*⁴⁹.

* * *

Семейские крестьяне – исконные хлеборобы, несколько столетий выращивали на бесплодных, казалось бы, каменистых землях богатые урожаи пшеницы, ярицы, овса, ячменя, гречихи; а и в двадцатом веке забайкальские районы Бичурский, Мухоршибирский, Тарбагатайский, где основное население – семейские, почитались хлебными житницами.

Но семейские и прекрасные огородники, садоводы, отчего ощущается выраженная в говоре, обычае, обряде и наряде, хотя и далёкая, да немеркнущая, родовая связь с южнорусами – малорусами, белорусами. Паллас писал о садоводстве и овощеводстве староверов, переселённых всего шесть лет назад в Забайкалье: «Сеют здесь (в забайкальском селе Хилок, что на реке Хилке. – А.Б.) ярицу, также арбузы, кои по садам у поляков, так же, как и около Селенгинска, хорошо удаются»⁵⁰. Болонев Ф.Ф. в книге «Семейские» использует «письма о Сибири» ученого натуралиста-ботаника Иоганна Сиверса, который, путешествуя в Забайкалье в 1791 году, отмечал, что «разного рода огородные растения, особенно белокочанная капуста, кое-где картофель, белая круглая репа, горчица, хрен, разные сорта лука, а также, конечно, гречиха, вызревают здесь довольно хорошо... Много дынь и арбузов выращивается в деревне Усть-Кяхта, в 18 верстах от Кяхты, хотя вес их редко превышает 5 фунтов, но они тем не менее довольно вкусные. Точно также преуспевают брюква, мелкая фасоль, огурцы и тыквы. Польские колонисты (раскольники. – А.Б.) пытаются разводить чечевицу и лен. (...) "Польские" и

⁴⁵ Талько-Грынцевич Ю.Д. Семейские (старообрядцы) в Забайкалье. «Протоколы общего собрания Троицко-Кяхтинского отделения Приамурского отд. РГО». Кяхта, 1894. № 2.

⁴⁶ Болонев Ф.Ф. «Старообрядцы Забайкалья в ХУ111–ХХ вв. Новосибирск, 1994.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Цитировано по книге Болонев Ф.Ф. «Духовная культура и быт русских крестьян-старожилов юго-восточной Сибири в ХУ111–начале ХХ века (Семейские Забайкалья)». Новосибирск, 1996.

⁴⁹ Цит.: Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья. Новосибирск, 1978.

⁵⁰ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб, 1772. Ч. 3.

русские крестьяне (с. Урлук. – А.Б.), поселённые лет 30 назад, ввели земледелие и фруктовое садоводство»⁵¹.

* * *

Автор сего очерка родился и вырос в забайкальской крестьянской семье, и коль речь зашла о семейских – знатных овощеводах и садоводах, – вспомнилась, живо увиделась давнишняя картина. Семидесятые годы обитал я в губернском граде Верхнеудинске, и, помню, на городском базаре торговали картошкой, доморощенными огурцами, помидорами, луком бойкие семейские бабоньки и старухи в старинных русских сарафанах, запанах, повязанные цветастыми гарусными платками или в кичках. Наезжали жёнки с кулями и тальниковыми корзинами из городских предместий и ближних деревень – из того же, воспетого Николаем Некрасовым Тарбагатайского посада. Как сейчас, дивясь, вижу длинные, похожие на огородные гряды, базарные ряды, заваленные овощами: в зазывно отпахнутых кулях ядрёная картоха, урождённая на сдобренных навозом, песчаных землях возле сосновых боров, отчего и отменно крупная, – *хрушкая*, не изрытая глазками и червоточиной, с шершавой кожицей, рассыпчатая – *чёрствая*, не жидкая, не картоха, объеденье одно; а рядом тугие, налитые забайкальским зноем, влажно поблескивающие, словно в предутренней росе, огурцы и помидоры; и под стать – семейские бабоньки, крепко налитые, не ущипнуть, с певучим помалороссийски, либо по-сорочьи частым, взвизгивающим, чудным говорком, – словом, семисюхи, как дразнили семейских коренные сибирцы за частый, вроде даже подсюсюкивающий говор, а заодно и, на взгляд простоватых сибиряков, за природную потаённость, скупость и вредность.

И ...радостно дивило... все семейские на базаре, старухи, и пожилые бабы, красовались в ярких, цветастых сарафанах и пёстрых запанах, повязанных поверх сарафанов, отчего чудилось: бабы напялили ворох юбок. Головы венчались, опять же, словно на малороссийский лад, цветастыми кичками. Зрелище дивное, сказочное... Лишь, бывало, глянешь на базар, душа радуется, ликует глаз от обилия зрелого овоща, от небесной, солнечной и цветочной яркости сарафанов и запанов, и слух увеселяется крикливым, но сочным, старинным говором, что оберегли семейские в чистоте и щедрости со времён царя Алексея Тишайшего.

Вельми поучительно для иванов, презревших родовую память: по всей земле святорусской лишь старообрядцы до конца XX века оболакались в исконный русский наряд: праздничный и обыденный; не пошло упрощённый, фестивальныи – сарафан выше багрово набрякших колен, картонная корона на власах, – а подлинный, что бытовал в народе сотни лет и лишь в начале XX века по воле правящих супостатов утаился в сундуках. Тысячу лет эдак по-русски одевались, и вдруг застеснялись сарафана, косоворотки, простонародной речи, родного обычая и обряда...

И не для «машкарада» выражались семейские жёны и девки в стародавние сарафаны и запаны, не на посмеих крутили на косы затейливыве кички, а потому, что верно хранили устои предков. Недаром, отстаивая старинный русский сарафан, пели семейские девчата в довоенную пору:

Я семейская была
И семейской буду.
Свой семейский сарафан
Сроду не забуду.

Ветреная мода, упорно дующая с фармазоньего запада, выкидывала фортели, одно чуднее другого, и лишь перед семейскими жёнками мода никла: не попускались жёнки пёстрорядными сарафанами, цветастыми кичками и... древлими обрядами. Но и в семейщине к концу двадцатого века исконный русский наряд – суть прикладное народное искусство, – вытеснился безликим, безнациональным костюмом, словно железобетонные кубы заслонили солноликие избы.

⁵¹ Болонев Ф.Ф. Семейские. Улан-Удэ, 1985.

И многоголосые, протяжные семейские песни, увы, потеснили вначале частушки-тараторки, потом – советские песни, а на закате прошлого века и вовсе – вопли нежити с Лысой горы. Хотя пение семейских, четверть века звучащее по радио, благоговейно слушал весь народ русский; а в начале XX века песни семейских, записанные Николаем Протасовым, высоко оценил Н.А. Римский-Корсаков: «признаки древней чистой русской мелодии». Песни, посланные Протасовым Римскому-Корсакову, были переданы композитору С.И.Танееву.

Теперь над дедовскими песнями, обычаями и обрядами может посмеяться и малый, нос рукавом утирающий: воздевай руки к небу, пой славу Богу, кланяйся земле – толку мало, удобрять надо. Верно, назмить надо, но и без поклонной любви к земле родится лишь дурнопахляная, сорная трава. Земледельческие обряды – любовь к земле, ко всей Вселенной, Божиему Творению, – любовь, воплощённая в народной поэзии, а уж из любви и рождается на земле всё живое, благолепное, ибо Любовь – Бог.

1987, 1990, 2002, 2013